РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

SECTION I. HISTORICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF HUMAN CAPITAL

DOI: 10.25629/HC.2026.11.01
УДК: 371
ВАК: 5.8.1. Общая педагогика. История педагогики и образования

Чуркина Наталья Ивановна, доктор педагогических наук, доцент, Омский государственный педагогический университет, ORCID: 0000-0001-7722-2427, n_churkina@mail.ru

ПОДХОДЫ И ПРАКТИКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ В 1917-1930-Х ГГ.

Аннотация

В статье исследуется процесс формирования советской системы руководства детским чтением в первые полтора десятилетия после революции. Актуальность темы обусловлена необходимостью анализа механизмов идеологического и культурного воздействия государства на подрастающее поколение. В работе развиваются положения теории «социального воображаемого» К. Касториадиса, что позволяет рассматривать детскую книгу как «культурное орудие», транслирующее новые ценностные матрицы в психику ребенка. С этой позиции государственное регулирование детской литературы рассматривается как система порождения новых смыслов и моделирования картины мира подрастающего поколения. Проанализированы и систематизированы основные нормативные документы, которые заложили правовые основы цензуры, комплектования библиотек и формирования новых книжных канонов для детей. В статье раскрывается деятельность Наркомата просвещения (Наркомпроса), который выступил главным координатором просветительской политики и реформатором институтов чтения. Выявлены и охарактеризованы основные практики такого регулирования: чистка библиотек от «вредной» (религиозной, монархической, буржуазной) литературы; формирование фондов школьных библиотек литературой определенного содержания; создание государственного издательства; поддержка «своих» детских писателей; отбор и коррекция текстов классиков. Особое место в исследовании занимает критический анализ педагогических идей деятелей Наркомата просвещения А.В. Луначарского, Н. К. Крупской, работы которых данного периода определяли политику государства в развитии детской литературы через призму марксистской педагогики и классового подхода. Это позволяет не просто реконструировать хронологию управленческих решений, но и показать, как государственные институты конструировали идентичность советского ребенка.

Ключевые слова

детское чтение, детская литература, государственное регулирование, чистка библиотек, Народный комиссариат просвещения, дискуссия о детской сказке, Н.К. Крупская, А.В. Луначарский

Churkina N.I., Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Omsk State Pedagogical University, ORCID: 0000-0001-7722-2427, n_churkina@mail.ru

APPROACHES AND PRACTICES OF STATE REGULATION OF CHILDREN'S READING IN 1917 THROUGH THE 1930s

Abstract

The article examines the process of formation of the Soviet system for guiding children's reading during the first decade and a half after the Revolution. The relevance of the topic is determined by the need to analyze the mechanisms of the state's ideological and cultural influence on the younger generation. The study develops the propositions of C. Castoriadis's theory of the social imaginary, which makes it possible to consider the children's book as a cultural instrument transmitting new value matrices into the child's psyche. From this perspective, the state regulation of children's literature is interpreted as a system for generating new meanings and modeling the worldview of the younger generation. The article analyzes and systematizes the principal normative documents that laid the legal foundations for censorship, library acquisition policies, and the formation of new literary canons for children. It reveals the activities of the People's Commissariat for Education, which acted as the main coordinator of educational policy and the reformer of reading institutions. The principal practices of such regulation are identified and characterized, including the purging of libraries of harmful literature, namely religious, monarchist, and bourgeois works; the formation of school library collections through literature of a prescribed ideological content; the establishment of a state publishing house; support for approved children's writers; and the selection and revision of texts by canonical authors. A special place in the study is occupied by a critical analysis of the pedagogical ideas of leading figures of the People's Commissariat for Education, A. V. Lunacharsky and N. K. Krupskaya, whose works of this period shaped state policy in the development of children's literature through the prism of Marxist pedagogy and the class approach. This makes it possible not only to reconstruct the chronology of administrative decisions, but also to show how state institutions constructed the identity of the Soviet child.

Keywords

children's reading, children's literature, state regulation, library purges, People's Commissariat for Education, debate on the children's fairy tale, N. K. Krupskaya, A. V. Lunacharsky

Введение

В условиях очевидной тенденции последних лет, которая характеризуется усилением государственного контроля над всеми видами образовательного контента, критическое осмысление опыта первых лет советской власти приобретает особую актуальность. Осуществление ретроспективного анализа позволяет дать взвешенную, критическую оценку попыткам регулирования детского чтения. В современной ситуации используемые практики создают реальную опасность окончательного вытеснение чтения из круга привычных занятий детей, замещение его менее контролируемым сегментом.

Изучением проблемы государственного контроля над литературой занимались как общественные деятели, так и ученые. В историографии вопроса можно выделить разные аспекты проблемы.

Психолого-педагогические: в исследованиях 1920-х годов вопросы регулирования детского чтения рассматривались в рамках исследования детской среды. Основанный в 1920 году ряд сотрудников научно-исследовательского института детского чтения, изучали круг чтения разных социальных групп (беспризорников, пионеров и крестьянских детей) (Арзамасцева, 2020); (Рубцова, 1928). В этот же период в трудах психологов (Л.С. Выготского, П.П. Блонского и др.), были заложены основы психологии детского чтения.

Институциональные: в этих работах изучались способы партийно-государственного давления на всю отрасль книгоиздания и библиотечного дела. В трудах А.В. Блюма, Е.А. Добренко и др. определены политические механизмы и социально-эстетические предпосылки изъятия «вредной» литературы, раскрыта деятельность Главлита (Блюм, 2000); (Добренко, 1997). В статьях М.С. Костюхиной (2024), С.Г. Маслинской (2024) раскрыты источники оформления большевицкой идеологии и особенности формирования нового канона в детской литературе. Д.В. Князевым (2017) определены особенности педагогической дискуссии вокруг детской сказки 1920-х годов и ее влияние на дошкольное образование.

Антропологические: его составляют работы о повседневности советского детства указанного периода (В.Г. Безрогова, М.С. Костюхиной, А.Ю. Рожкова и др.), в которых конструируется пространство детства через анализ эго-документов (дневники, письма, школьные сочинения) (Городок, 2008; Костюхина, 2023; Рожков, 2014). Эти работы позволяют осознать роль детской литературы и вычленить реальный круг чтения советских детей.

Несмотря на имеющийся в ряде гуманитарных наук концептуальный базис по проблеме регулирования детского чтения, за рамками указанных исследований остались вопросы, на которые мы попытаемся ответить: как происходило развитие системы государственного регулирования детской литературы; кто из руководителей Народного комиссариата просвещения повлиял на разработку механизмов государственного контроля; с какой целью осуществлялся этот контроль; почему детская литература попала в пространство повышенного внимания со стороны политического руководства страны; какие практики государственного регулирования детского чтения использовались в указанный период? Указанные вопросы определили цель исследования: выделить подходы и практики государственного регулирования детского чтения в 1917-1930 гг. На ее достижение направлены задачи исследования: 1. Определить теоретические и методологические рамки исследования. 2. Классифицировать институты и практики государственного регулирования детского чтения. 3. Выделить основные идеи лидеров Народного комиссариата просвещения и их влияние на создание системы государственного регулирование.

В процессе решения задач исследования происходила проверка гипотезы**,** что государственное регулирование детской литературы в 1917-1930 гг. являлось системным процессом порождения нового социального воображаемого, направленным на принудительное моделирование картины мира подрастающего поколения.

Научная новизна исследования состоит: в классификации практик государственного регулирования детского чтения (1917-1930-х гг.); рассмотрении данного процесса как системной деятельности государственных органов управления образованиям. Теоретическая значимость исследования заключается в обосновании продуктивности применения к исследованию процесса государственного регулирования литературы концепции социального воображаемого К. Касториадиса, позволяющей увидеть в нем не только средство пропаганды детей и молодежи, но и механизм конструирования символов, ценностей «светлого будущего».

Методы

В круг источников исследования были включены опубликованные, архивные материалы, работы лидеров Наркомата просвещения. К этим источникам были применены общенаучные методы: анализа, классификации, обобщения.

ISSN 2074-2029
https://humancapital.su/

Результаты и их обсуждение

Приход к власти в стране политической партии, которая не имела значительной поддержки у населения, опыта парламентской деятельности, ставил вопрос о ее легитимности и устойчивости. Поэтому с первых дней после октября 1917 года пропаганда была направлена на молодежь и детей, которые становились носителями новой идеологии.

Осмыслить эту стратегию государства позволяет концепция К. Касториадиса, в которой общество не является отражением объективной реальности, а понимается как продукт социального воображаемого. Оно постоянно конструирует себя, свои цели, ценности, нормы, границу между «своим и чуждым». Действительно, после 1917 года советское государство должно было в короткие сроки переформатировать себя. К. Касториадис (2003) объясняет такие процессы, через два вида «воображаемого»: учреждающее воображаемое (первичная, творческая, динамическая сила общества, способная порождать принципиально новые смыслы и формы человеческого общежития) и учрежденное воображаемое – это зафиксированные в законах, традициях, языке и культуре институты и каноны прошлого. Противостояние этих воображаемых является основным содержанием социальных процессов в обществах, находящихся в состоянии кризиса. Носителями прежних норм была, в том числе, дореволюционная детская книга (христианская проза, классическая сказка, буржуазная периодика). Большевики оставили за собой монопольное право на создание смысложизненных ориентиров, поэтому власть начинает борьбу с прежними канонами.

Государственное внимание к детской литературе можно объяснить и спецификой детского сознания, которое представляет в определенный возрастной период «чистую доску», что позволяет средствами прямого регулирования детского чтения внедрять новые символы и ценности (культ труда, индустриализация, коллективизм, классовая борьба) не только детям, но и родителям. Эту стратегию иллюстрирует, например, структура детских стихотворений В. Маяковского, который конструировал прекрасное будущее, «бросая тень на прошлое» (Хабер, 2018 с. 21).

Главным государственным органом, в ведении которого находились вопросы образования и культуры, был Народный комиссариат просвещения. В его состав входил отдел внешкольной работы под руководством Н.К. Крупской. Проведенный сплошной просмотр стенограмм заседаний наркомата и государственной комиссии просвещения, анализ нормативных документов данного периода и исследовательских материалов, позволил выделить несколько практик регулирования детской литературы.

Признание важности печати как основного средства пропаганды и агитации. Уже на третьем заседании (24 ноября 1917 года) обсуждался вопрос о создании государственного издательства, которое было учреждено Декретом от 30 декабря 1917 года[1]. Его необходимость объяснялась следующим образом: «с одной стороны книжный голод, с другой стороны – безработица печатников» (Архив, 2012, с. 36). Анализ текста декрета позволяет отнести его к первому акту государственного контроля над литературой. Он предусматривал начать выпуск дешевых народных изданий произведений классиков, но при формировании содержания сборников избранных сочинений этих авторов рекомендовалось исходить из близости произведений «трудовому народу» (Архив, 2012, с. 39). В декрете нет отдельных положений о детской литературе, но государственное издательство должно было печатать и ее. Для отбора и редактирования изданий создавалась особая коллегия.

[1] Приложение к протоколу заседания Государственной комиссии по просвещению Народного комиссариата по просвещению РСФСР № 3 (п. I). Декрет о Государственном издательстве. 30 декабря 1917 г. Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. XII. Культура, наука и образование. Октябрь 1917-1920 гг. Протоколы и постановления Наркомпроса РСФСР. В 3 кн. Кн. 1. Октябрь 1917–1918 г. Российская политическая энциклопедия, 2012. С. 38-39.

Национализация и централизация учреждений культуры, в том числе, книжных фондов, библиотек. В Декрете Совета народных комиссаров РСФСР от 26 ноября 1917 года «О реквизиции библиотек, книжных складов и вообще книг», закреплялась передача всех книжных запасов в ведение Наркомпроса[2]. Через несколько лет декретом СНК РСФСР от 20 апреля 1920 года «О национализации запасов книг и иных печатных произведений», разрешалось изымать частные собрания и распределять их по общественным и школьным библиотекам[3]. Эти меры позволили в короткий срок расширить библиотечную сеть в Советской России, наполнить фонды новых библиотек, в том числе, детских.

В процессе реализации этих декретов выяснилось, что многие дореволюционные издания не соответствовали представлениям и ценностям советской власти. Поэтому третья группа практик включала *регулирование состава фондов детских библиотек*. Эта компания была инициирована Н.К. Крупской. Возглавляемый ею отдел Наркомпроса (Главполитпросвет) выпускал инструктивные письма для библиотек, в которых регулировался книжный состав библиотек, публиковались списки «устаревшей и вредной литературы», подлежащих изъятию из общественных библиотек. В число вредных книг попали сказки (содержащие элементы мистики), религиозные рассказы и дореволюционная периодика. Практика составления списков и изъятия книг продолжилась. В этот процесс в 1929 году включился ЦК ВКП (б), когда вышло постановление «О библиотечной работе» им была продолжена новая волна идеологической чистки фондов библиотек[4]. В число вредной литературы попали труды классической философии, старые энциклопедии и часть дореволюционной детской классики.

Четвертая группа практик была связана с *развитием государственной предпечатной цензуры.* Противостояние деятельности института детской книги и Государственного ученого совета (ГУСа) привело к окончательной победе последнего (его поддерживала Н.К. Крупская). Для издания любой детской книги необходимо было получить одобрение совета ГУСа, который оценивал детскую литературу с точки зрения марксистской педологии и возрастной психологии. Цензура распространялась не только на сюжетную канву книги, но и на педологической и гигиенической регламентации материальной и текстовой структуры книги. Под эгидой Института детского чтения и педологических лабораторий Наркомпроса внедрялись обязательные стандарты: строго регламентировались размер шрифта, контрастность иллюстраций, объем текста в зависимости от возраста, а также допустимая степень метафоричности языка. Метафоры, антропоморфизм и сказочная фантастика с позиции радикальной педологии квалифицировались как «контрреволюционный элемент», уводящий ребенка от материалистического восприятия действительности.

Как мы уже отмечали, многие деятели Наркомпроса указывали на нехватку хорошей современной литературы для детей. Поэтому еще одна группа практик была связана *с созданием специализированной писательской инфраструктуры и развитием государственных конкурсов*. Государственная монополия, реализуемая в промышленности, была внедрена и в литературу. За счет госзаказа, распределения необходимых для печати материалов, организации конкурсов на лучшую советскую детскую книгу органы государственной власти мотивировали писателей на подготовку книг из актуальной политической повестки (произведения о производстве, индустриализации и пионерском движении).

Оформление системы государственного регулирования происходило в указанный период на фоне борьбы разных сил. О необходимости выработки специальной политики в этом вопросе писал А.В. Луначарский (1985а) : «Наша первая задача – общими силами выработать общую

[2] Декрет СНК РСФСР «О порядке реквизиции библиотек, книжных складов и книг вообще». (26 ноября 1918 года). *Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 28 ноября 1918 года,* № 260.

[3] Декрет СНК РСФСР «О национализации запасов книг и иных печатных произведений». (20 апреля 1920 г.). (1959). *Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР.* Т. 1. 1917-1928 гг. Госюриздат,

[4] Постановление ЦК ВКП (б) «О библиотечной работе» (1929, ноябрь). Партийное строительство, *1*.

платформу, чтобы определить какой должна быть детская современная книга, что и как она должна в себе отразить, а затем развернуть работу по живому руководству над детским автором. Эти вопросы обсуждались на заседаниях Наркомпроса, собраниях, съездах и в печати.

Одной из наиболее обсуждаемых тем вокруг детской литературы была дискуссия о сказке или шире, о допустимости (не допустимости) фантастических, нереальных сюжетов в детских книгах (Маслинская, 2014). Тема этой дискуссии не была новой, И.А. Сергиенко (2020) описывает сходную полемику, которая велась разными авторами с 1840-х гг. Доводы, которые приводили в работах XIX века, во-многом повторялись уже в XX веке – сказки внушают детям веру в чудеса, мистику, могут быть причиной формирования страхов.

В 1920 гг. в полемику включились лидеры Наркомпроса. Н.К. Крупская (1960), выступая перед руководителями детских библиотек, высказалась категорически против мистицизма, предлагая эти книги изымать из библиотек: «Не всякую книгу можно давать детям. В старых книгах наряду с увлекательным сюжетом много неприемлемой для нас идеологии». В качестве возможных мер борьбы с мистикой в детской книге, кроме прямого запрета печати таких книг в государственных издательствах, она предлагала некоторые книги «осоветить». Н.К. Крупская поддерживала идеи К. Цеткин, которая «детскую литературу воспринимала как одно из средств политической борьбы» (Костюхина, с. 154, 2018).

Иную позицию в вопросах детской литературы занимал Анатолий Васильевич Луначарский. В статье «Пути детской книги» (1924 г.) он утверждал, что отказ от метафоры и сказки обедняет мышление ребенка. Он одновременно указывал на необходимость создания большевицкой литературы и призывал брать все лучшее у классиков (Луначарский, 1985b). Понимая, что современному ребенку бывает сложно понять и принять текст из далекого прошлого, поддерживал и помогал современным авторам. Именно при его патронате выходили первые книги Агнии Барто, Самуила Маршака и Корнея Чуковского.

В 1927 году дискуссия о детской книге продолжилась, многие участники дискуссии делали разворот в сторону классового подхода: «Нужна ли сказка пролетарскому ребенку?» (Ушакин, 2021). Вышедшая в 1927 году небольшая работа А.К. Покровской давала подробный разбор старой и новой литературы, в том числе, содержала критику современных детских книг, которые написаны «в традиционных приемах инфантильного романтизма и сентиментализма», авторы используют приемы прежней литературы (Покровская, 1927).

Выход официальных документов, казалось, подвел окончательный итог дискуссии: постановления ЦК ВКП (б) «О мероприятиях по улучшению юношеской и детской печати» (1928)[5]; «Об издательстве «Молодая гвардия» (1931) [6] называли детские книги в жанре сказок и фантастических произведений «безыдейными». Но практика их реализации к 1930 гг. привела к тихой «победе» сказки, эти меры стала частью политики постепенной реставрации дореволюционного канона (имперского), в который сказочные сюжеты хорошо укладывались. В созданном в 1933 году издательстве «Детская литература» под руководством А.М. Горького снова стали выходить народные и современные сказки, этот жанр позволял реконструировать образ будущего, которое еще было очень далеко.

Можно сделать вывод, что к концу исследуемого периода государственное регулирование детской литературы приобрело признаки системы, задачей которой была не только пропаганда преимуществ нового строя, но и порождение социального воображаемого, через принудительное моделирование картины мира подрастающего поколения.

[5] Постановление ЦК ВКП(б). О мероприятиях по улучшению юношеской и детской печати. 23 июля 1928 г. (1984). *Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т. 4. 1926-1929* (С. 362-362). Политиздат.

[6] Постановление ЦК ВКП(б). Об издательстве «Молодая гвардия». 29 декабря 1931 г. (1984). Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т. 5. 1929-1932. (С. 375-377). Политиздат.

Выводы и заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет утверждать, что в период 1917–1930 гг. в Советской России была институционально оформлена система государственного регулирования детского чтения. Ее развитие начиналось с дискуссий на разные темы (личных и общественно-педагогических), отдельных передовых практик (создание института детской литературы) и масштабных проектов (создание государственного издательства, национализация книжных фондов, библиотек). А к концу исследуемого периода детская литература создавалась в условиях тотального идеологического и институционального контроля. Исследование этого феномена в рамках теории «социального воображаемого» К. Касториадиса, позволяет увидеть за советскими управленческими практиками системную работу по конструированию новой идентичности подрастающего поколения.

Систематизированный в работе комплекс практик подтверждает, что советское государство приобретало легитимность через создание советского символического поля детства. В то же время, завершение дискуссии о сказке к началу 1930-х годов в пользу признания ее дидактической ценности свидетельствует о внутренней неоднородности советского аппарата управления и о невозможности полного вытеснения сказочных сюжетов и символов из детского сознания даже в условиях жесткого политического прессинга. Исторический опыт этого периода показывает, что практики прямого государственного управления детским чтением, только усилят риск отторжения чтения как традиционной культурной нормы у современных детей.

Библиография

Арзамасцева, И. Н. (2020). Подвижники детского чтения. *Детские чтения*, *1*(1), 12–42.

Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. XII. Культура, наука и образование. Октябрь 1917-1920 г. Протоколы и постановления Наркомпроса РСФСР. В 3 кн. Кн. 1. Октябрь 1917-1918 г. (2012). Л. А. Роговая (ред.), Б. Ф. Додонов (сост.). Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).

Блюм, А. В. (2000). *Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929–1953*. Академический проект.

Городок в табакерке. Детство в России от Николая II до Бориса Ельцина (1890–1990). Антология текстов. В 2 ч. Ч. 1. (2008). В. Безрогов, К. Келли (ред.). Научная книга.

Добренко, Е.А. (1997). *Формовка советского читателя: Социально-эстетические предпосылки рецепции советской литературы*. Академический проект.

Касториадис, К. (2003). *Воображаемое установление общества* (Г. Волкова, С. Офертас, пер.). Гнозис; Логос.

Князев, Д. В. (2017). Дискуссия о роли сказки в воспитании детей в педагогической прессе 1920-х годов. *Дошкольное воспитание*, (11), 84–91.

Костюхина, М. С. (2018). Клара Цеткин и Надежда Крупская – кураторы детской книги. *Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX-XXI веков: направления и течения*, (3), 152–161.

Костюхина, М. С. (2023). Листок календаря: норма, догма и Гайдар. *Уральский филологический вестник. Русская и зарубежная литература: динамика художественных систем*, (2), 92–102.

Костюхина, М. С. (2024). *Круглый год: детская жизнь по календарю*. Новое литературное обозрение.

Крупская, Н. К. (1960). О детской библиотеке и детской книге. В Н. К. Крупская, *Полное собрание сочинений* (Т. 8, с. 171–181). Академия педагогических наук.

Луначарский, А. В. (1985a). О детской литературе, детском и юношеском чтении. В Н. Б. Медведева (сост.), *О детской литературе, детском и юношеском чтении: сборник избранных статей и речей*. Детская литература. https://traumlibrary.ru/book/lunacharskiy-o-det-lit/lunacharskiy-o-det-lit.html#s005022

Луначарский, А. В. (1985b). Пути детской книги. В Н. Б. Медведева (сост.), *О детской литературе, детском и юношеском чтении: сборник избранных статей и речей*. Детская литература. https://traumlibrary.ru/book/lunacharskiy-o-det-lit/lunacharskiy-o-det-lit.html#s005022

Маслинская, С. Г. (2017). Неутомимый борец со сказкой (критика детской литературы в трудах Н. Крупской). *Историко-педагогический журнал*, (1), 172–186.

Маслинская, С. Г. (2024). «Гайдар и сегодня в строю...» (о каноне советского детского чтения и его ресайклинге). *Шаги / Steps*, *10*(1), 125–146.

Покровская, А. К. (1927). *Основные течения в современной детской литературе*. Работник просвещения.

Рожков, А. Ю. (2014). *В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека советской провинции: 1920-е годы*. Новое литературное обозрение.

Рубцова, П. А. (1928). *Что читают дети: (По материалам Института детского чтения)*. Долой неграмотность.

Сергиенко, И. А. (2020). Детские книги – «плохие» и «хорошие»: дискуссии критиков 1890–1920-х гг. *Детские чтения*, *17*(1), 11–19. https://doi.org/10.31860/2304-5817-2020-1-17-11-19

Ушакин, С.А. (2021) Сказка? Ложь? Намек? Урок? Окололитературные дебаты о бесполезности одного жанра // *Детские чтения. 1.* 8–43. DOI: 10.31860/2304-5817-2021-1-19-8-43

Хабер, Э. (2018). Яркие образы и прекрасный язык: наследие футуризма в детских стихах В. Маяковского. *Детские чтения*, *12*(2), 20–38.

Поступила в редакцию: 22.09.26 Принята к публикации: 20.11.26